

“Этюдник-1” опубликован [ЗДЕСЬ...](#)

“ИДИ К МЕНЮ!...”

Храм Преподобного Сергия в Семхозе - храм на крови убиенного отца Александра Меня. Церковь, к которой он принадлежал, не признала отца Александра священномучеником, и храм назван в честь его любимого святого.

Перед храмом лавочка, наполовину затенённая близким лесом. Солнышко над ним ещё не поднялось. В тенёчке прохладно, а день обещает быть жарким.

Подходит мужчина, лет шестидесяти. Шея в гипсовом манжете. Я ему уступаю теньевую половину. «Вот, спасибо, а то сил нет на солнце». «Что, - спрашиваю, - головка болит?» - «Да, после контузии». И вкратце поведал о себе.

В 1968 году его взяли в армию. Из Загорска, нынешнего Сергиева Посада. “И сразу же отправили в Египет, на войну – с Израилем. Арабы воевали против Израиля. Да, та самая семидневная. А мы, русские, вроде как арабы, переодетые в их форму. Арабы-то – “Алла-иншалла” – воевать не умеют. Всю нашу технику бросили. Там меня и контузило. И никаких льгот — считай, сорок лет кантовался на мизерной пенсии. Хорошо, жена ещё работала, детишек выкормили, подняли. А десять лет тому назад причислили к льготникам: половину квартплаты, бесплатный транспорт, путёвку один раз в год в подмосковный Домотдых. И пенсию, это уже недавно, с 8,5 тысяч подняли до 15.

Мне мать покойница приснилась. Она была регентшей в Лавре, в Успенском соборе. Говорит, иди к отцу Александру Меню. А как к Меню, его же нет, его убили. Иди к Меню, - снова говорит. Вот я и нашёл этот храм, священника отца Виктора... И отец Георгий, мой бывший духовник, благословил меня здесь причащаться. Я теперь отсюда никуда не уйду. Полегчало заметно. Врачи говорят, скоро твёрдый корсет сымеешь. Буду сам на автобусе приезжать. А пока сын на машине привозит”.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ХРИСТИАНКА

В метро. У эскалатора женщина с тележкой. На тележке две огромные сумки и одна в руке. «Разрешите, я вам помогу?» - спрашивает он деликатно. Она, стеснительно улыбаясь, уступает тележку. Сволоку всю поклажу вниз, и ещё по лестнице вверх до пересадки на другую линию. По дороге выясняется, что она едет домой, в Самару. “Как же тяжело живёт народ наш!” – невольно вырвалось у него, и прощаясь: “Дай Бог благополучно добраться”. Она протягивает ему сторублёвую бумажку. «Нет, нет, что вы!» - отшатывается он. Но она не отступает, пытается втиснуть её в карман. Он в ужасе, и ничего другого не нашёл пробормотать в оправдании: «Я христианин...» Она: «И я тоже!» Как-то увёртываясь, старается уйти, но и она не отстаёт. «Не вам, не вам, а кому-нибудь бедному» - «Вот вы сама и отдайте бедному, Господь разберётся, кто отдал...».

Обязательные христиане. Добрая Самарянка.

В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

Мария Фёдоровна попала с инсультом в Склифосовскую больницу. Она давно пенсионерка, а таких, со стажем, долго в больнице не держат. Чуть поправилась - долечивайся дома. Врачи прописали ходьбу со шведскими палками. Вот она и вышагивает с ними повсюду. В магазин, в метро, в храм – в свой родной, Космы и Дамиана. Только перед тем, как к Чаше подойти, передаёт палки кому-нибудь, кто рядом, поближе.

Зашла однажды в поликлинику. «Что вам здесь, спортивная площадка?» - ошарашила её то ли доктор, то ли медсестра в белом халате.

ЗДЕСЬ НЕ БЫВАЕТ СОБСТВЕННОСТИ

Юная Даша недавно приехала в Россию. У папы закончился контракт с немецкой фирмой, и семья вынуждена была вернуться.

В немецкой школе Даша уже перешла в шестой класс, а здесь её почему-то определили в пятый. Хотя по-русски она говорила, как и все её сверстники.

Даша очень любила рисовать и не расставалась с карандашом и блокнотом. Даже на уроках, отвлекаясь иногда от заданной темы, рисовала головки ребят и учителей.

Особенно её впечатляла внешность математички Марь-Иванны, с грозно сдвинутыми бровями. Она ходила по рядам, стуча, как будто, чугунными каблуками, грозно впечатывая шаги.

В декольте у Марь Ивановны темнел золотой крестик на такой же тёмной золотой цепочке. Учительница была из священнической семьи и замужем за настоятелем местного собора.

Однажды Марь-Иванна заметила, что девочка занята чем-то посторонним, подошла к ней и выхватила блокнот. Узнав себя в рисунке, тут же разодрала блокнот и швырнула на стол.

- Что вы делаете! Это же моя собственность! – вскрикнула Даша.

- Поезжай, откуда приехала. И там будешь иметь свою собственность, – отчеканила учительница.

СВОИ ПОМИНКИ...

Электричка до Сергиева Посада идёт от Пушкино без остановок. За окном платформа Семхоз. «Граждане, – громким голосом объявляет человек в вагоне, – здесь, на этой станции, в 90-м году убили отца Александра Меня. Святого. Богом посланного в зачумлённую Россию, в многострадальную нашу родину. Запомните это место, здесь храм хороший».

Человек немолодой, моего возраста. Мы вместе выходим на конечной станции. «А вы Александра Меня знали?» - спрашиваю. - «Лично не знал, нет. Я в Семхоз переехал в двухтысячном. На десятый год после его гибели. Из Казахстана приехал, к родственникам, живу в Семхозе. Но книги его и о нём все прочитал. Можно сказать, не знал, но знаю».

Это был короткий разговор с местным жителем.

А сегодня, 9 сентября, платформа Семхоз, еду в Пушкино, где служил о. Александр, на поминальную службу, на панихиду. На платформе народ, ожидающий электричку. Спрашиваю женщину: «Вы знаете, что сегодня день смерти отца Александра Меня?»

Помнят ли, интересно, его соседи об этом дне...

- Не знаю ничего – испуганно смотрит на меня женщина.

- Сегодня отца Александра Меня убили.

Женщина молча отходит.

Другая кричит ей с противоположной платформы:

- Дунь, Манька сегодня дома? Хочу к ней зайти постричься.

- Что, опять обросла? Не знаю, вчера её не видела. Она по чётным работает. Сегодня какое число?

- Девятое.

- Значит, дома. А ты куда, в театр собралась?

- В Рязань хотим ехать. С огородом управимся и поедем.

- В Рязань хотите?.. Что, уже полгода?

- Да, 19 марта померла.

Жизнь продолжается. У всех сегодня в Семхозе свои заботы, свои огороды, свои поминки.